

А.В. Лебедев

Сотворение мира в библейском повествовании как лингвокультурологический концепт

В статье рассматривается сотворение мира в Библии как феномен языка и культуры, проводится анализ данного концепта с точки зрения его структуры, а также соотношения с другими мифологическими системами. Акцентируется особое внимание на культурологической и переводческой проблематике данного явления.

Ключевые слова: Библия; сотворение мира; лингвокультурология; мифология; концепт.

Проблема интерпретации концепта «сотворение мира» как составляющей Священного Писания является очень актуальной, так как возникает необходимость осмысления материала в полном объеме в разрезе культурфилософского и лингвокультурологического направлений. Действительно, культурологическая, религиозно-богословская, переводческая проблематика концепта «сотворение мира» нашла свое отражение в исследованиях широкого круга ученых, богословов, общественных деятелей. В то же время анализ литературы позволил сделать вывод о недостаточности совокупных исследований по проблеме сопоставительного анализа картин мира, соотношения концепта «сотворение мира» и картины мира, мировых мифологических сюжетов, по мифологической диалектике в многообразии этнической картины мира и интерпретации национальной картины мира финно-угорской языковой группы. Для глубинного понимания концепта «сотворение мира» необходимо проанализировать генезис концепта как категории, определить основные направления его развития, соотношение концепта «сотворение мира» и картины мира. Как многоаспектное явление, концепт является объектом изучения многих научных дисциплин: философии, культурологии, лингвокультурологии, лингвистики, языкознания и представляет различное смысловое значение в разных областях знания, использующих такие методы изучения концептов, как исторический, социальный, экспериментальный. Этимология концепта «Сотворение мира» указывает на многогранность

и сложность этого понятия, в котором переплелись разные семантические и знаковые компоненты.

В изучении концепта важны также подходы в его определении: культурологический (Ю.С. Степанов, Г.Г. Слышкин, В.Н. Телия), лингвокогнитивный (З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова и др.), лингвокультурный (В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев), психолингвистический (А.А. Залевская), лингвистический (В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Ф. Соссюр), семантический (С.А. Аскольдов, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова), как абстрактного научного понятия (С.Г. Воркачев, В.В. Колесов, А. Соломоник, А. Черч).

По нашему наблюдению, применительно к концепту «сотворение мира» системное описание данных признаков неполно и заслуживает детального исследования. Поэтому описание картины мира в преломлении в ней определенного фрагмента — концепта «сотворение мира» — выходит на первый план, а комплекс лингвистических и культурных элементов, а также ментальных единиц, репрезентирующих данный концепт в картине мира, становится предметом исследования. Изучение концепта «сотворение мира» указывает на то, что: 1) он относится к ядру языкового сознания, структурируется по одним и тем же смысловым областям и имеет отличительные содержательные признаки, связанные с его универсальностью, а также с различием культур; при этом совпадений гораздо больше, чем различий, что говорит о двойственности в характеристике данного концепта; 2) номинируется лексемой «сотворение мира» и реализуется различными способами, где в качестве репрезентантов выступают лексемы («Шестоднев», «творение», «креационизм»), словосочетания («творение Божье», «сотворение человека», «день покоя»), фразеологизмы («от сотворения мира», «запретный плод сладок», «От Адама до Потсдама»), прецедентные имена и высказывания («Адам и Ева», «Змей-искуситель», «Эдемский сад», «да будет свет»), метафорические обозначения («запретный плод», «твердь небесная», «хорошо весьма»), тексты, то есть целый комплекс единиц разных уровней. Множественность реализаций данного концепта свидетельствует о его значимости для философского осмысления, языкового сознания и мышления, феноменальности во многих областях знания как значимой составляющей любой картины мира; 3) включает семантический объем концепта, его ассоциативно-семантическое поле с признаками отображаемого объекта и связанные с ним прагматические ассоциации исследуемого фрагмента. При этом семантическое поле оказывается многомерным, имеет пересечения; 4) представляет специфику соотношения этнокультурного, языкового для реализации данного концепта в картине мира; 5) определяет ассоциативный характер концепта, его динамизм и вариативность; 6) анализирует ценностные ориентиры для этнического сознания каждого народа.

Процесс сотворения мира является важной частью Священного Писания и описан в первых двух главах Книги Бытия, согласно которым мир был создан

за шесть дней. Однако некоторые христианские мыслители (Дж. Мейчен, Р. Торрей, Л. С. Чафер, Ч. Фуллер, Ф. Шлейермахер) не требуют от верующих буквального понимания описания процесса творения и рассматривают его как аллегорию о создании Богом мира. Представители современных православных теологов (Д. Сысоев, И. Эпштейн, П. Полонский, Дж. Левинсон) понимают, что процесс творения соответствует описанным временным рамкам не буквально, то есть день — это некоторый неопределенный промежуток времени, выраженный еврейским словом «йом» («ём»). Тем не менее достаточно много православных, евангельско-христианских, протестантских богословов придерживаются буквального понимания (6-дневного) творения мира.

Согласно еврейской талмудической традиции, сотворение мира описано в «Маасе Берешит» (первый раздел Торы), в котором имеет место возвышенное представление о Боге как о высшей духовной силе, не имеющей телесного или ограниченного; акты творения включают в себя глубокую мораль. Так, сотворение человека из праха земли ведет человека к смирению и размышлению о смерти; сотворение женщины из ребра мужчины должно внушить супругам взаимную верность и любовь. Еще одной отличительной чертой библейского рассказа о Сотворении является монотеистическое представление о Боге как о Едином Творце. Третья особенность — отсутствие теогонии, то есть невозможности создания Бога еще кем-нибудь. Авраамическая монотеистическая религия, происходящая из древней традиции, восходящей к патриарху семитских племен Аврааму, признает сотворение мира единым Богом, что является одним из центральных догматов веры как иудаизма, так и христианства. Главным повествованием о сотворении является первая книга Библии — Бытие, однако смысловые интерпретации понимания процесса творения различаются среди верующих. В иудаизме: «Десять вещей были созданы в первый день. Вот они: небо и земля, смятение и пустота, свет и тьма, дух и вода, свойство дня и свойство ночи» Талмуд (трактат Хагига 12:1); «Словом Бога сотворены небеса» (Техилим 33:6); «Десятью речениями создан мир» (трактат Авот 5:1). В Христианстве — «*creatio ex nihilo*» (лат.) — «сотворение из ничего» является центральной догмой творения, в которой создателем является Бог как первопричина существования мира со своей волей — «*productio totius substantia ex nihilo sui et subjecti*» (лат.), то есть «переход всего сущего из состояния небытия в бытие» [3: с. 227].

Если сравнить Маас Берешит в русском переводе с комментариями Й. Левина и У. Линеца (издание 2008 г.) и Книгу Бытие в современном переводе Библейского общества (2011 г.), то можно увидеть, как богословские и культурологические предпосылки влияют на перевод [5]. К примеру, еврейское *ruah* передается в Маасе Берешит просто как «дуновение», в то время как христианские переводы говорят о «Духе Божьем», что с переводческой точки зрения также корректно, однако несет в себе определенную богословскую концепцию о Троицизме Бога. Еврейское издание буквально передает оригинал в описании небесного свода, а формально-эквивалентный перевод Российского Библейского Общества

передает шестой стих первой главы описательно: «нечто, разделяющее воду посередине», «часть вод была над воздухом, а часть — под воздухом». Само слово «свод» (оставляющее место для интерпретаций) передается в современном библейском переводе как «воздух» и «небо». В четырнадцатом стихе греческое слово «кайрус» (сроки, норма, определенное время) в современном издании передано как «время для священных собраний», что представляет собой описательный перевод и фактически культурологический комментарий. В первом стихе второй главы слово «космос» (строение, мировой порядок, система) в русском издании Торы переводится как «воинство», а в современном переводе Библии — «все, что на них».

Сотворение мира Богом в Священном Писании представляет собой один из основных догматов иудаистской и христианской веры. В первой и второй главах Книги Бытия находим повествование о сотворении мира, интерпретация которого, однако, различается среди верующих. Повествование о сотворении мира описывается в виде рабочей недели и выходного (субботнего) дня; текст рассказывает, что в первый день Бог создал свет, отделив его от тьмы; на второй — твердь и воду; на третий — сушу и растения; на четвертый — небесные светила; на пятый — птиц, рыб и пресмыкающихся; на шестой — животных и человека. Первая часть Моисеевых книг (Торы) описывает картину сотворения мира, как из начального хаоса был создан упорядоченный мир (Быт. 1:1–2:3). Описание шести дней создания всегда заканчивается словами: «И был вечер, и было утро», затем идет нумерация дней. Рассказ о каждом дне обрамлен художественными рамками; конец фразы выражен словами: «И сказал Бог: да будет...»; «И стал...»; «И увидел Бог... что он хорош». Эти рамки применяются восемь раз для каждого дня Творения, а третий и шестой дни обрамляются этими фразами дважды. Числа в Библии имеют символическую значимость: числа «три» и «семь» выражают совершенство и божественность; мир, таким образом, представляет собой совершенное творение Бога.

Сказание о сотворении мира является одной из древнейшей частей Ветхого Завета. В первых фразах о процессе Творения: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» (Бытие 1:2) употребляется еврейское выражение «техом» (бездна), что означает «поток». С этим же понятием мы встречаемся в поэме «Энума Элиш» (авилонская космогония), где Тиамат олицетворяет поток воды, находящийся в постоянном движении и готовый начать наведение порядка в мире (отделение света от тьмы, вод над и под твердью, моря от суши). Это перекликается с написанным в книге Псалтирь: «Ты расторг силою твоею море, Ты сокрушил головы змиев в воде; Ты сокрушил голову левиафана. ... Ты иссек источник и поток... Твой день и твоя ночь: Ты уготовал светила и солнце; Ты установил все пределы земли, лето и зиму Ты учредил» (Пс. 74: 12–17). По мнению некоторых ученых, эти примеры могут свидетельствовать о том, что древнееврейский космогонизм частично заимствован из мифологических представлений ближайших народов, однако интерпретирован в соответствии с иудейским монотеизмом.

Происхождение мира и человечества — это тема, которая постоянно вызывала глубочайший интерес человека и всегда останется актуальной мировоззренческой проблемой. По мысли исследователей Ветхого Завета С. Мерсера и Л. Льюиса, можно выделить несколько поворотных точек в исследовании этого вопроса. Первый прорыв был вызван результатами библейской критики и применения научного знания к истории создания библейской Книги Бытия. «Отныне изучающий Библию не идет только к Книге Бытия для современного научного представления о том, каким образом возникли этот мир и человечество, но он видит в истории первых глав Книги Бытия о сотворении образцы лучшей еврейской мысли IX–VI вв. до христианской эры» [6: с. 22]. Второй же отправной точкой, пробудившей научный интерес к вопросу сотворения, были открытия английского ассириолога и археолога Дж. Смита. В 1872 г. Смит раскопал из-под обломков библиотеки ассирийского царя Ассурбанипала несколько фрагментов глиняных табличек, в которых после расшифровки были обнаружены ссылки на процесс творения. Это, в свою очередь, стало началом пробуждения интереса к исследованиям в области параллелизма библейских и вавилонских повествований о сотворении мира.

Общие парадигмы человеческого мышления, характерные для всех мифологических систем, выражаются в поиске параллелей библейским повествованиям в мифах всех народов мира. Ведущий исследователь в области шумерской мифологии С. Крамер обнаружил параллель между шумерским мифом об Энки и Нинхурсаг и библейским сказанием о сотворении женщины из ребра [4: с. 42]. Интересно проследить ближневосточные параллели с рассказом о сотворении мира. Библейские слова «бездна» — *tehom* и «пустота» — *bohu* имеют аналоги в именах вавилонской богини хаоса Тиамат и финикийской Баау. Есть также много схожих деталей между описанием разделения земли и неба, воды и суши в эпосе «Энума Элиш» и в первой главе Книги Бытия. Из приведенных фактов ученый делает вывод о том, что библейские тексты первых глав Книги Бытия во многом попали под влияние месопотамской культурной традиции и части повествования, из которых впоследствии сложился единый библейский рассказ, различаются степенью вовлеченности в мифологический контекст. Многие комментаторы отмечают, что в Библии меняются акценты и смыслы, и использование известного ближневосточного материала в Писании позволяют переосмыслить его в рамках новой монотеистической картины мира. Ближневосточные параллели с библейскими текстами дают общее представление о литературном контексте и межкультурных контактах до создания письменного текста Пятикнижия.

По мнению специалиста в области фольклора В.С. Кузнецовой, «все эти архаические черты были переинтерпретированы в Библии на языке двух соотнесенных сюжетных схем. Библейская и постбиблейская еврейская литература, принадлежащая к следующей стадии в истории поэтики (к эпохе риторики или рефлексивного традиционализма), совершает два дополнительных и противоположных акта. С одной стороны, она возрождает мотивы и сюжетные ходы более архаичные, чем в библейском рассказе (реликты этиологических легенд,

мифология центра мира, сопоставление микрокосма и макрокосма в рассказах о первом человеке, неоднократность творения и т. п.). И чаще всего — это как раз те мотивы, которые были лишь слегка намечены в самом тексте Библии или проявлялись в нем очень редуцированно. Но в то же время в пост-библейской еврейской литературе эти архаичные мотивы отливаются в более молодую и получившую преобладающее значение циклическую схему сюжета» [1: с. 102].

При изучении библейской картины мира напрашивается вывод о ее взаимопроникновении в мифологические картины культур разных народов. Исследуя Книгу Бытия, понимаем, что она излагает основные события по созданию, порядку возникновения жизни на Земле, а также написана на символическом и образном языке своего времени. В библейском повествовании прослеживается связь с мифологическими моделями мира у разных народов, которые содержат основные элементы религии и искусства, а также включают в себя описание богов, природы, человека и мира культуры. Мифологические сюжеты разных народов основаны на античной мифологии; религия Вавилона явилась важной вехой в развитии теорий о сотворении мира и создала мифологические сказания, которые обожествляли явления природы, и описала жизнь богов по образу жизни людей. Повествования о сотворении мира являются ярким примером взаимопроникновения мифологических и библейской культур, изучение которых невозможно без переводов Священного Писания на все национальные языки.

Космогонические представления народов утверждают взаимосвязь Библии и мифологии, так как слово «миф» происходит из греческих источников, продолжая понятия «предание» или «легенда», описывая культурные символы, объясняющие происхождение мира. Так, священник, богослов и философ А. Мень объясняет значение слова «миф» как формы выражения мышления древних народов: «Миф — это тот язык, на котором древний человек говорит о самом важном для себя. Древние евреи не создавали абстрактных схем, они мыслили картинками, образами, они прибегали к мифотворчеству. Миф — это недифференцированное единство религии, поэзии, науки, этики, философии» [2: с. 96]. Миф появился благодаря постижению человеком действительности, историческим фактам. По словам А. Мень, «... миф в высоком смысле слова, миф-икона и миф-символ, составляет самую основу Ветхого Завета. Творение мира, Завет с Богом, Исход, День Ягве, Царство Мессии — все это боговдохновенные мифологемы, заключающие в себе истины Откровения» [2: с. 96]. Библия, таким образом, содержит древнюю мифологию, в том числе и повествования о творении, указывая на специфичность передачи информации сакрального характера.

Литература

1. Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск: СО РАН НИЦ ОИГТМ, 1998. 250 с.
2. Мень А. Библиологический словарь: в 3 т. Т. 1. М.: Фонд им. Александра Менья, 2002. 555 с.

3. Христианство: Энциклопедический словарь: в 3 т. М.: Большая Рос. Энциклопедия, 1993–1995. Т. 1. 863 с.; Т. 2. 671 с.; Т. 3. 783 с.
4. Штейнзальц А. Введение в Талмуд. М.: Курчатовский институт, 1993. 381 с.
5. Электронная еврейская энциклопедия. – URL: <http://www.eleven.co.il> (дата обращения: 15.02.2014).
6. Kraft C.H. Christianity in Culture. NY: Orbis, 1979. 427 s.

Literatura

1. Kuzneczova V.S. Dualisticheskie legendy' o sotvorenii mira v vostochnoslavjanskoj fol'klornoj tradicii. Novosibirsk: SO RAN NICz OIGGM, 1998. 250 s.
2. Men' A. Bibliologicheskij slovar': v 3 t. T. 1. M.: Fond im. Aleksandra Menya, 2002. 555 s.
3. Xristianstvo: E'nciklopedicheskij slovar': v 3 t. M.: Bol'shaya Ros. E'nciklopediya, 1993–1995. T. 1. 863 s.; T. 2. 671 s.; T. 3. 783 s.
4. Shtejnzal'cz A. Vvedenie v Talmud. M.: Kurchatovskij institut, 1993. 381 s.
5. E'lektronnaya evrejskaya e'nciklopediya. – URL: <http://www.eleven.co.il> (data obrashheniya: 15.02.2014).

A.V. Lebedev

Creation of the World in the Biblical Narrative as the Lingvocultural Concept

The article considers the creation of the world in the Bible as the phenomenon of language and culture. The author analyzes this concept from the point of view of its structure, as well as relation with other mythological systems. Special attention is accentuated on culturological and translation problems of this phenomenon.

Keywords: Bible; world creation; lingvoculturology; mythology; concept.